

ХРАМ ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ
СПОРНИТЕЛЬНИЦА ХЛЕБОВ
ГОРОД ЩЕЯКОВО

№ 441

21 апреля 2019 г.

Два обстоятельства из жизни Господа напоминают нам ныне чтение Евангельское. Одно из них – это скромная мирная вечеря Господа среди преданнейших Его друзей, другая – это торжественный вход Господа во Иерусалим.

Преподается урок христианину, что он может служить Господу двояким способом: один – это сокровенное добро нашего сердца, это чистый порыв души к делу милосердия, любви, сердечной преданности; другой – это общественные добродетели, это – видимые общепользные деяния, чтобы светили они людям и доставляли торжество добру в мире. Не все же христианину жить в суете мира, в этом житейском круговороте, в этих мелких стремлениях и целях себялюбия и чувственности, в этой злобе насущного дня. Есть другая высшая область, в которую хоть бы по временам возносился он и отдыхал бы душою своею, это – область сердца, согретого святым чувством любви к Богу, подвигом доброго дела, духом самой чистой молитвы.

Объясним оба описанные в Св. Евангелии случая, чтобы извлечь из них назидание для себя.

«Сотвориша... ему вечерю, идеже бе Лазарь и Марфа служаше».

Зачем это Евангелие рассказывает нам о таком самом простом случае? Но, во-первых, мы видим здесь малое общество самых искренних, преданных почитателей Господа, где не было ни врагов, коварно наблюдавших за каждым шагом Господа, ни посторонних, холодных зрителей, мешающих искренней сердечной беседе. Где найдешь ныне это искреннее, беззаветное сочувствие, эту преданность, это взаимное доверие, эту сердечность друг к другу? И на что променяли мы эти прекрасные заветы доброго старого времени? Себялюбие, тщеславие, какая-то холодность между самыми близкими, эта неудовлетворенность семейною тихою средою – вот что внесло наше время в жизнь общества. Чаще же вспоминайте о вечере в Вифании, чтобы отвести душу от леденящего веяния вашего духа времени. Но не этим только назидательна вечеря Господа: среди вечери входит кроткая, нежная Мария – сестра Лазаря, вселюбящая, благодарная, преданная; стыдливо опускается к ногам Господа, разливая драгоценное миро на [Его] голову и ноги и безмолвно отирает их своими волосами. Мир, в лице учеников Господа, осудил жену за этот поступок: к чему напрасная трата столь дорогого мира. Но Господь Сердцеведец видел больше. Он видел в Марии эту глубокую любовь, готовую на все жертвы, эту благодарность, не знающую, как лучше выразиться, эту преданность, отдающую самое дорогое, это св. чувство, одушевляющее человека в

минуту сильного радостного волнения. И Господь похвалил трепещущую Марию; Он поставил ее дело в пример всем временам: «Истинно говорю вам: где ни будет проповедано Евангелие сие в целом мире, скажется в память ее и о том, что она сделала» (Мк.14,9). И сколько раз этот поступок Марии производил

глубокое впечатление при чтении этого евангельского рассказа: не одна скорбящая душа умилялась, не одно холодное сердце смягчалось и вставали св. помыслы, пробуждались добрые чувства, угасала страсть и недуг. В лице Марии возвышаются те люди, кои в тишине являют незримые миру, но великие пред Богом качества души: кто проникнут смиренным чувством, кто побеждает страсть гнева и себялюбия, кто устоял в честности, кто не пал в искушениях, не возроптал в скорбях, кто обладает кротостью, чистотою, всепрощением. В лице любящей Марии прославляется та любовь к ближнему, что сочувствует радости другого, кто страдает скорбью брата, кто отыскивает в нем искру добра, что прощает заблудшего, что плачет о погибающем человеке, что жертвует всем, всем своим дорогим из участия к горю и несчастью. Чаще же вспоминайте о вечери в Вифании и подольше смотрите на этот прекрасный образ Марии – любящей, благодарной, беззаветно преданной Господу.

Но время обратиться и к самому событию сегодняшнего праздника. В первый раз Господь является в такой славе и величии. В течение трех лет Его жизни, Его все видели – кротким, смиренным, без всяких исканий чести и славы, а теперь Он входит по-царски – на молодом осле, в сопровождении ликующего народа, при громких восклицаниях: осанна. Его видели все за самыми скромными занятиями: на берегу моря, в лодке, у ловли рыбы, посреди колосившихся полей, в пустыне тихой и безмолвной, на горе в молитве, в кругу семейном. А здесь Он шествует как победитель после славных завоеваний. Его сопровождают с зеленеющими ветвями, бросают к ногам Его одежды, восхваляют все подвиги и славные дела Его. И Он не отвергает их, не уклоняется, не негодует; Он среди этих знаков почести тихо подвигается к Иерусалиму. Почему? – Потому что величественное зрелище представляет народ, когда он воодушевлен одним рели-

гиозным настроением, когда всех охватывает одна искра священного восторга, когда все мелкие интересы, страсти честолюбия умолкают и виден один только чистый порыв истинного чувства. Он знал, Всеведущий, что под этим праздничным настроением кроются иные замыслы, таится дух вражды и зависти, что скоро эти радостные крики сменяются

криком: «Распни Его». Но Он допустил народу одну счастливую минуту войти в священное воодушевление, слиться в одном религиозном чувстве, написать лучшую страницу в жизни и истории своей. Благодарение Богу! Наше Отечество испытало эти счастливые минуты народной жизни, когда весь народ, как один человек, шли на защиту своего отечества. Почему еще Господь не отверг этих знаков чести и хвалы, приносимых Ему? – Потому что это всенародное, неподкупное чествование могло остановить тайную вражду, могло вразумить слепотствующее заблуждение, рассеять мрак неверия, обратить мысли к великим подвигам добра, к чудесам милосердия Господа, к Божественному лицу Его. Великие дела добра, честности, безкорыстия, являемые с высоты, не проходят бесследно, они вызывают подражание себе, они сеют святые дела, они содействуют торжеству добра в мире. И если уже и они не производят действия, если и светлые примеры не переменяют черствой души: кто виноват в погибели? Вот почему Господь, сожалея об Иерусалиме, обратился к нему со словами: о, если б ты хоть в этот день твой узнал, что может спасти тебя. Но сие сокрыто от очей твоих. Какою горестью любящего сердца дышат эти слова Господа и вместе как безотрадны они для Иерусалима: хотя бы в этот день твой; тебе дается еще урок, еще один день жизни, когда ты еще можешь возвратиться к себе милость Божию, еще не все потеряно, сделай одно усилие, пойми важность этого дня посещения Божия. Но нет, очи твои смежились, на тебя это сильное зрелище не действует, час твоей погибели, осуждения настал.

Пожелаем, чтобы в обществе нашем более светила нам общественная добродетель, чтобы более являлось мужей чести, добра и правоты, чтобы не были мы невнимательны к знаменам событий нашего времени.

Праведный Алексей Мечёв

АСКЕТИЗМ

ПРОФЕССОР ПАВЕЛ ПЕТРОВИЧ ПОНОМАРЁВ

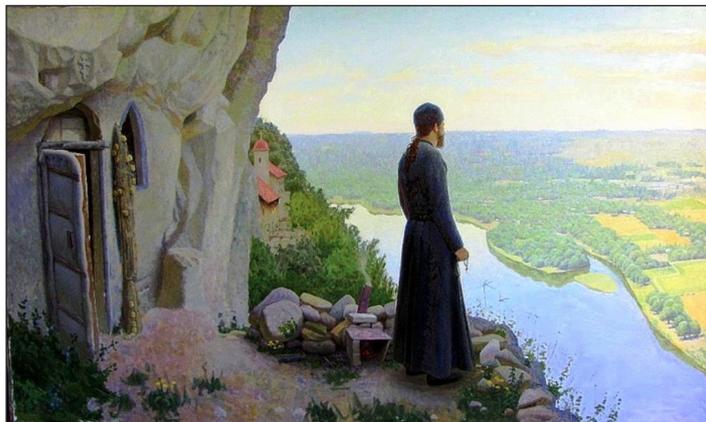
Представленные суждения об аскетизме вообще и христианском в частности могут быть выражены в следующих трех положениях. 1) Аскетизм вообще, как борьба духа со страстями, и как род жизни, одновременно охватывающий личное спасение и общественную деятельность человека, есть разумная форма жизни и, следовательно, желательная. 2) Христианский аскетизм, как благословенный или освященный Христом и глубоко раскрытый Его истинными последователями – отцами подвижниками, по своему существу, есть род жизни самобытный и самостоятельный. 3) Аскетизм есть принадлежность религии. Современное общество во многих своих членах, опираясь частью на достояние подобной себе старины, частью на свои собственные соображения, однако оспаривает эти три положения, высказываясь об них в ином смысле.

Так прежде всего против аскетизма существовало и существует направление, совсем отрицающее его бытие. Это направление имеет два разветвления: одно принадлежит материалистам и эпикурейцам, а другое – так назыв. общественникам. Материалисты и эпикурейцы, не исследуя обстоятельно подвижничества, прямо отвергают его, как род жизни совершенно противоположный началам их жизни. По суждению их, будто бы аскетизм навязывает человеку жизнь на началах духа, коего нет, и отрицанием страстей будто бы обесцвечивает жизнь человеческую. Конечно, если нет ничего общего в основах доктрин, то нельзя ожидать и согласия между выходящими из этих доктрин взглядами на жизнь. Вследствие этого собственно и разбора об отношении материализма и эпикурейства к аскетизму не следовало бы делать. Доктрины материализма и эпикурейства соображают в аскетизме так же, как соображает какой-нибудь мастер в извращенно и поверхностно знакомом ему ремесле. Тем не менее в опровержение их можно поставить вопросы: действительно ли не существует человеческий дух и действительно ли упоение страстями составляет правильную жизнь? Сознание человека о самом себе, как творческой личности, изобличает несостоятельность материализма. Это сознание ясно и непосредственно говорит человеку, если только он искренно прислушивается к нему, что он одновременно есть и вещь мира и более чем вещь. Я – раб, я – царь; я – червь, я – Бог. Вещь мира – он по телу, более чем вещь – по духу. Ложь эпикурейства с его воспеванием страстей делается явно из понятия о страсти и ее следствиях. Страсть есть злострадательное, противоестественное состояние души и тела; следствия ее – потоки крови и слез. Страсть вносит в жизнь отнюдь не красоту, но безобразие. Это – голос истории и опыта, признаваемый почти что всеми

людьми, за исключением только ослепленных эпикурейцев, кои в пылу страсти не хотят его слушать. Красота жизни достигается чувствами добрыми; их, по недоразумению, эпикурейцы смешивают со страстями. Эти же добрые чувства – плод внутренней подвижнической работы человека над самим собой, той жизни, которая является спасительным огоньком среди пустого мрака и, следовательно, разумным, желательным. Другое разветвление отрицает аскетизм на том основании, будто бы он эгоистичен: исключает совокупность чувств во благо ближних. Золотое правило: жить в других и для других аскету будто бы чуждо. Он его не знает, или, зная, намеренно не следует ему. В IV веке по Р. Хр. этот взгляд тесно связывался с отшельничеством, потому что отшельничество яснее всего порождало мысль о взаимоотношении между личным спасением и общественной деятельностью подвижника. Св. Григорий Богослов отстранил тогда этот взгляд (по крайней мере, лично для себя) выбором так называемого среднего пути, т. е. прохождением аскетизма в самом обществе (6, 14–15 стр. М. 1848). Св. Василий Великий советовал одному сборщику податей одновременно пребывать в аскетизме и исполнять общественную обязанность (7, 302–303 стр. М. 1854). Ныне проповедниками рассматриваемого разветвления являются социологи. Представленное истолкование чувства сострадательной любви у истинных аскетов, как и ссылка на свв. Григория Богослова и Василия Великого, очевидно, ниспровергают справедливость воззрения отрицателей общественников. Быть может, ложные аскеты ради стремления к личному совершенству не содействуют общественному благу, но они, как ложные, в пример идти не должны. Отрицание аскетизма у общественников есть плод недоразумения. Недоразумение это произошло от различия точек зрения, на которых стоят аскеты и общественники и откуда каждая из сторон выводит свою деятельность. Почва деятельности аскетов – внутренняя сторона жизни, почва деятельности общественников – внешняя. Аскеты преимущественно обращают внимание на душу человека, общественники – на его тело. Если ма-

териальная культура составляет главную цель деятельности общественников, то нравственное возрождение людей – главную цель деятельности аскетической. Конечно, заслуживают внимания не только внутренние, но и внешние условия жизни человеческой: ведь, человек состоит не из души только, но и тела. Однако следует все-таки подумать: какая из этих деятельностей предпочтительнее, – деятельность ли по отношению к духу, или деятельность по отношению к телу и сообразно с этим делать оценку. В христианстве первая деятельность ставится выше второй; последняя даже прямо зависит от первой. «Ищите... прежде царствия Божия и правды его, и сия вся приложатся вам» (Мф. 6:33). Поэтому отнюдь нельзя отрицать аскетизм за то только, что в понятие общественного блага он главным образом включил нравственное возрождение ближних. Если бы отрицать аскетизм за возделывание им духовной стороны жизни человечества, то такому же суду тогда следовало бы предать и философию. Ведь и она больше всего занимается истолкованием высших основ и целей бытия.

Против самостоятельности и самобытности христианского аскетизма в современной печати раздаются голоса, утверждающие, будто бы аскетизм христианский представляет из себя копию с аскетизма греческих философов, особенно же с аскетизма буддийского. Это – так называемая теория «еллинизирования и буддизации христианства». Сравнительная оценка христианского аскетизма с его мнимыми первообразцами покажет истину. Выпуклой чертой аскетизма еллинов, как и вообще язычников, служит противоречие или раздвоенность между настроением и выражением этого настроения в факте. Борьба с одной страстью сопровождается у них рабством другой – преимущественно гордостью, тщеславием, хвастовством. Напр., известный Диоген синопский, налагая на себя внешнюю нищету, был чужд нищеты духовной, смирения. Отсутствие этой добродетели проходит красной нитью чрез всю его жизнь, а также жизнь других языческих подвижников. Смирения не найти у них. Не то замечается в христианском подвижничестве. Смиреномудрие здесь – всегдашний спутник аскета и забвение его вносит ложь в жизнь подвижника. Объяснение такого противоречия у языческих аскетов кроется не столько в недостатке желания – быть истинным аскетом, не столько во внешних условиях жизни (дурных примерах), сколько в отсутствии силы благодатной, возрождающей человека. Только при ней возможно подвижничество без противоречий, а «человеческое старание, если нет Божией помощи, по необходимости не достигает конца» (Нил Синайский – «Слово подвижн.»). Благодать же дарована Христом. Правда, еллинские аскеты пришли к мысли, что добродетель ведет человека к обожествлению, но это сви-

детельствует только о том, что душа всякого человека по природе – христианка. Осуществить в действительности эту связь между добродетелью и обожествлением человека они все-таки без Христа не могли. – Так называемая буддизация христианства исключается сравнением основоположений аскетизма той и другой религии. Источник буддизма – идея ничтожества, взгляд на мир, как зло по природе. Источник христианского аскетизма – пламенное стремление человека к спасению с сохранением своей личности. Ни идее ничтожества, ни взгляду на мир, как зло по природе, здесь нет места: они отстраняются верой в совершеннейшего Бога, как Творца и Промыслителя всего. По характеру буддийское подвижничество является борьбой только в личной жизни аскета, но не общественной. От участия в обществе подвижник-буддист всячески и навсегда отдалается. Христианское подвижничество есть ревностная борьба в личной и общественной жизни аскета. Подвизаясь где-нибудь в уединении, христианин-аскет, по мере нравственного совершенства и нужды, выходит в общество, производя в нем переворот к лучшему. Цель буддийского аскетизма есть нирвана: совершенное отрицание от всякого бытия, ничто. Цель христианского аскетизма – вечная жизнь по подобию жизни Бога. По отношению к христианскому аскетизму IV века, представляющему из себя по существу раскрытие евангельского взгляда на аскетизм, высказывается мнение о зависимости подвижничества этой эпохи от гностицизма и неоплатонизма. Сравнение же основоположений покажет несостоятельность и этого мнения. В гностицизме проповедуется безусловный, от вечности существующий, а в христианстве – относительный, явившийся во время, дуализм добра и зла. Тело и мир, по доктрине гностицизма, зло по природе, по христианству тело и мир, как творения Божии, добро зело, а если они носят печать греха, то это зависит от преступной воли диавола и человека, согрешивших во времени. Там брак – скверна, здесь – благословение Божие. Цель подвижника-гностика – освобождение духа от материй и его возвращение в плирому. Цель подвижничества христианского – вечный союз целого, состоящая из души и тела, человека с Богом. Зависимость христианского подвижничества от неоплатонизма устраняется, во-первых, тем, что христианство в теле видит самостоятельную сущность, но не разнообразное сочетание мыслей о качествах его, во-2-х – не проповедует исключительность аскетизма, но наряду с аскетизмом благословляет также брак и, в-третьих, цель человека полагает в личном существовании в загробной жизни, но не в безличном погружении в Божество. Так опровергается направление, набрасывающее тень на самостоятельность аскетизма христианского.

Наконец, против принадлежности аскетизма религии и, следовательно, его связи с ней выступают защитники так называемой независимой нравственности (автономной морали).

Направление это из современников особенно развил в своей философии В. Соловьев, обратив внимание на чувство стыда. Слагаясь из я и не-я, из утверждения человеческого достоинства и отрицания того, что не гармонирует с этим достоинством человека и не соответствует ему, чувство стыда естественно располагает человека к нравственной борьбе. Содержанием ее должно быть, с одной стороны, отрицание того, от чего человеку бывает совестно, стыдно, от чего он краснеет, а с другой – утверждение в том, что приносит ему душевную отраду, что он сознает за нечто доброе. Такое указание на значение чувства стыда в нравственной жизни в философии В. Соловьева – не новость. В смысле мерил плачевного нравственного состояния человека чувство стыда истолковывается уже на первых страницах Библии.

У первых людей – Адама и Евы до грехопадения этого чувства не было. «Быста оба нага, Адам же и жена его, и не стыдятся» (Быт. 2:25). Явилось оно у них после грехопадения, как показатель внутреннего нестроения человека. В таком смысле это чувство понимали и христианские аскеты (напр. Антоний Великий), а до них – некоторые из языческих философов. У Платона оно заняло видное место в философии, но без влияния коей остановился и построил на нем всю аскету В. С. Соловьев. Как достояние греховного естества человеческого, чувство стыда, однако, может служить только исходным и побуждающим началом аскетизма, но отнюдь не положением, охватывающим весь аскетизм. При одном чувстве стыда вне связи с религией аскет является в высшей степени самозамкнутым. Ведь одно чувство стыда только подсказывает ему борьбу против страстей для утверждения человеческого достоинства. Но для чего это утверждение человеческого достоинства, к чему оно ведет? Ответ может быть только тот: для утверждения человеческого достоинства. Но это – не ответ, а повторение одного и того же. Выйти из этого круга человек не может, потому что чувство стыда говорит только о том, что я – одновременно чист и нечист, ношу в себе должное и не должное. Но мысли,

что путем борьбы я явлюсь членом святого царства (града) Божия, оно не дает. Это есть дело религиозного сознания, религии, – разумеется христианской откровенной, – где вопрос о конечной цели аскетизма разрешается указанием на царство Божие. Самозамкнутость аскетизма, при одном чувстве стыда, ясно сознавали христианские аскеты, почему, ссылаясь на назначения чувства стыда в нравственной жизни, они не построили на нем всего подвижничества, но считали его именно только источником и побудителем аскетизма. Сознал эту самозамкнутость и сам В. Соловьев, но только не исправил ее, а назвал аскетизм узким родом жизни. Сказывается, наконец, независимый аскетизм в самом, далеко не полном, определении его. По этой философии аскетизм определяется, как только жизнь преимущественно на началах одного духа, соединенная с отрицанием страстей и того, что содействует зарождению их для утверждения человеческого достоинства. Между тем христианский аскетизм есть ревность и сила пребывать в деятельном, пути нестяжательности, постничества, девства, общении с Богом, по вере в Господа нашего Иисуса Христа, при помощи благодати Святого Духа, для усвоения себе истинно-христианской настроенности, как залога к участию в Царствии небесном.

Ты не пой, соловей, возле кельи моей,
И молитве моей не мешай, соловей.

Я и сам много лет в этом мире страдал,
Пережил много бед, и отрады не знал.

А теперь я боюсь и судьбы и людей,
И скорбями делюсь
в тесной кельи своей.

Улетай, соловей, улетай в те края,
Улетай поскорей, где отчизна моя.

Просвищи нежно ей, как я болен душой,
Вспоминая о ней, заливаюсь слезой.

Я хочу позабыть те минувшие дни,
И я должен любить только чётки одни.

Я хочу позабыть тот обманчивый свет,
И решил так дожить до конца своих лет.

Прилетай, соловей, когда кончу я путь,
На могилке моей тогда сядь отдохнуть.

Ты не пой, соловей, против кельи моей,
И молитве моей не мешай, соловей.

Иеромонах Роман (Матюшин)

Расписание богослужений с 22 по 28 апреля 2019 г.

<p>22 апреля Понедельник</p>	<p align="center">Мч. Евсихия</p>	<p>8:30 Утренняя. Часы с чтением Евангелия. Изобразительны. Вечерня с литургией Преждеосвященных Даров <i>/иерей Андрей/</i></p>
<p>23 апреля Вторник</p>	<p align="center">Мчч. Терентия, Помпия и иже с ними</p>	<p>8:30 Утренняя. Часы с чтением Евангелия. Изобразительны. Вечерня с литургией Преждеосвященных Даров <i>/иерей Александр/</i></p>
<p>24 апреля Среда</p>	<p align="center">Щмч. Антипы, еп. Пергама Асийского</p>	<p>8:30 Утренняя. Часы с чтением Евангелия. Изобразительны. Вечерня с литургией Преждеосвященных Даров <i>/все священнослужители/</i></p> <p>17:00 Утренняя. 1 час <i>/все священнослужители/</i></p>
<p>25 апреля Четверг</p>	<p align="center">ВОСПОМИНАНИЕ ТАЙНОЙ ВЕЧЕРИ</p>	<p>8:30 Часы. Изобразительны. Вечерня с литургией Свт. Василия Великого <i>/все священнослужители/</i></p> <p>17:00 Утренняя Великой Пятницы (с чтением 12-ти Евангелий), именуемая Уставом «Последование Святых и спасительных Страстей Господа нашего Иисуса Христа» <i>/все священнослужители/</i></p>
<p>26 апреля Пятница</p>	<p align="center">ВОСПОМИНАНИЕ СВЯТЫХ СПАСИТЕЛЬНЫХ СТРАСТЕЙ ГОСПОДА НАШЕГО ИИСУСА ХРИСТА</p>	<p>8:30 Царские часы. Изобразительны. Вечерня с выносом Плащаницы. Малое повечерие <i>/все священнослужители/</i></p> <p>17:00 Утренняя. 1 час (Крестный ход с Плащаницей вокруг храма) <i>/все священнослужители/</i></p>
<p>27 апреля Суббота</p>	<p align="center">ВЕЛИКАЯ СУББОТА</p>	<p>8:30 Часы. Изобразительны. Вечерня с литургией Свт. Василия Великого</p> <p>Освящение куличей с 11:00 до 15:00 <i>/все священнослужители/</i></p> <p>22:00 Исповедь 23:00 Полунощница <i>/все священнослужители/</i></p>
<p>28 апреля Воскресенье</p>	<p align="center">СВЕТЛОЕ ХРИСТОВО ВОСКРЕСЕНИЕ</p> 	<p>00:00 УТРЕННЯ. ЧАСЫ. БОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТУРГИЯ Свт. ИОАННА ЗЛАТОУСТА <i>/все священнослужители/</i></p> <p>17:00 9 ЧАС. ВЕЧЕРНЯ. УТРЕННЯ. 1 ЧАС <i>/иерей Александр/</i></p>